

теля, Который побѣдитъ діавола и освободитъ людей изъ подъ его власти. И самое наказаніе такъ устроилъ, чтобы оно послужило къ исправленію человѣка и къ пользѣ его. Долго, долго пришлось людямъ ожидать обѣщаннаго Избавителя. Много передумалъ, переживалъ и пережилъ человѣкъ за это время. Человѣкъ самъ увидѣлъ, какъ онъ обманутъ діаволомъ и какъ глубоко оскорбилъ Творца своего, созналъ свою немощность, беспомощность и виновность предъ Господомъ, старался умиловить Бога, поклонялся и приносилъ Ему жертвы. Но при этомъ часто, не зная истиннаго Бога, поклонялся и приносилъ жертвы богамъ ложнымъ—твореніямъ Божиимъ: солнцу, лунѣ, звѣздамъ и различнымъ животнымъ (Рим. 1, 21—26) И вотъ, послѣ долгаго ожиданія, наступило наконецъ то благословенное время, когда явился на землю Избавитель Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Онъ принялъ на Себя плоть человѣческую, родился отъ Пресвятой Дѣвы Маріи, пожилъ среди людей, раскрылъ человѣку его заблужденія, научилъ его истинно доброй, угодной Богу и достойной человѣка, жизни, принялъ на Себя грѣхи всего міра, пострадалъ и умеръ на крестѣ и чрезъ все это примирилъ человека съ Богомъ (Іоан. XVIII 37, Рим. V 10—12, Гал. III 13 14, Ис. I III). А по тридневномъ воскресеніи Своёмъ открылъ рай человѣку для вѣчной блаженной жизни (Іоан. III, 36; V 24—29; Лук. XXIII 39—43; Мѣ. XIII 41—43; XXV 31—46).

III.

Христосъ рождается, славите, Христосъ съ небесъ срящите, Христосъ на земли, возноситесь. Пойте Господу вся земля и веселіемъ вспойте людие, яко прославися! (пѣснь Кон. Р. Хр.)

Въ честь рожденія Спасителя христіане съ давнихъ временъ установили праздникъ „Рождество Господа нашего Іисуса Христа“ и Св. церковь воспоминаетъ и празднуетъ это великое священное событіе для всѣхъ христіанъ ежегодно въ 25-й день мѣсяца декабря. Св. церковь въ этотъ день призываетъ всѣхъ христіанъ къ торжеству и радостному прославленію родившагося Спасителя.

Какъ важно для насъ самое священное событіе рожденія Спасителя, такъ великъ и радостенъ и праздникъ въ честь его! И всѣ христіане стараются выдѣлать этотъ праздникъ между другими праздниками. Каждый старается ознаменовать этотъ праздникъ чѣмъ нибудь особеннымъ въ своей жизни. Всѣ стараются для торжества праздника надѣть лучшую одежду и прежде всего сходить въ храмъ къ торжественному богослуженію и молитвѣ. Позволяютъ себѣ лучшую пищу, принимаютъ у себя въ домѣ родныхъ и знакомыхъ и сами посѣщаютъ ихъ для мирной и благочестивой бесѣды. Такъ какъ въ этотъ праздникъ воспоминается рожденіе Богомладенца, то христіане издавна считаютъ «Рождество», между прочимъ, дѣтскимъ праздникомъ, и отцы и матери, насколько позволяютъ средства, стараются сдѣлать удовольствіе своимъ и чужимъ дѣтямъ, особенно сиротамъ. При этомъ болѣе серьезные и благочестивые стараются въ этотъ праздникъ исполнить заповѣдь Христову о любви: примиряются съ тѣми, съ которыми находились въ ссорѣ и враждѣ. Посѣщаютъ и утѣшаютъ больныхъ и заключенныхъ въ темницахъ, стараются, чѣмъ и какъ могутъ, помочь бѣднымъ и несчастнымъ и вообще сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло.

Сколько бѣдняковъ живетъ на бѣломъ свѣтѣ и, быть можетъ, у насъ въ сосѣдяхъ! Сколько терпятъ отъ нужды и горя!... Многіе и Рождество встрѣчаютъ съ коркой чернаго хлѣба, обликой слезами. Сколько слезъ проливаютъ несчастные дѣти ихъ, прося только хлѣба и тепла!... А бѣдные родители часто и этого не

въ состояніи бываютъ дать имъ даже и въ день великаго праздника Рождества Христова. Они въ день общей радости для всего христіанскаго міра предаются унынію и близки къ отчаянію. О, если бы въ это время нашелся добрый человѣкъ, который принялъ бы сердечное участіе въ горькой нуждѣ бѣдняковъ и своей благовременной помощью облегчилъ ихъ горе! Какимъ радостнымъ сталъ бы тогда и для нихъ день Рождества Христова! Прославляя родившагося Спасителя, какъ бѣдняки горячо молились бы за своего благодѣтеля! Но еще счастливѣе былъ бы самъ благодѣтель, потому что онъ своимъ участіемъ къ бѣднымъ исполнилъ бы заповѣдь Рожденнаго.

Священникъ Ал. С.

БЛИЖНИЙ ВОСТОКЪ. *)

(Изъ поѣздки въ Святую Землю, Египетъ и Грецію учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній гор. Саратова).

Каждому хотѣлось полюбоваться тѣми чудными картинами, описаніе которыхъ приходилось читать у различныхъ путешественниковъ. Всѣ пассажиры сгруппировались по краямъ парохода и съ жаднымъ любопытствомъ устремляли свои взоры вдаль. Пароходъ подходилъ къ проливу; берега Азіи и Европы здѣсь настолько сходятся, что кажется, будто плывешь по большой и широкой рѣкѣ. Мы вскорѣ почувствовали себя точно въ родной стихіи;—берега здѣсь имѣютъ много сходства съ Жигулями. Тѣ-же живописные обрывы надъ водою, тѣ-же крутые скаты, только покрыты кипарисомъ и другими южными растениями, которыя за дальностію растоянія, не успѣешь различить. Только вода не похожа на волжскую. Вотъ она—бирюзоваго цвѣта, вотъ блеститъ золотомъ и серебромъ, отражая солнечные лучи. Все чаще и чаще на ея поверхности начинаютъ встрѣчаться бѣлыя точки, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образующія значительныя скопленія,—это медузы и полипы. Берега становятся болѣе живописными. Показались сперва отдѣльные дома. Чѣмъ дальше мы подвигаемся въ глубь пролива, тѣмъ берега послѣдняго становятся болѣе и болѣе населенными. Кое гдѣ на той и другой сторонѣ попадаются останки бывшихъ укрѣпленій, а на мало Азіатскомъ еще издали видны развалины генуэзской башни. Дома построены въ восточномъ вкусѣ съ плоскими крышами и амфитеатромъ спускаются къ морю. Наконецъ пароходъ замедлил ходъ;—мы медленно приближаемся къ военнымъ укрѣпленіямъ, насыпаннымъ изъ земли; среди валовъ въ углубленіяхъ виднѣются жерла современныхъ береговыхъ скорострѣльныхъ орудій, направленныхъ въ сторону пролива; цѣлая куча солдатъ высыпали на валъ, чтобы поглазѣть на наше проходящее судно. Здѣсь берегъ живописно повышается; видна старинная стѣна; здѣсь тоже, какъ говорятъ, замаскированы укрѣпленія съ грозными орудіями. На противоположномъ, европейскомъ, берегу видны также валы и пушки. Эти укрѣпленія считаются грозными и устроены въ началѣ Босфора для защиты послѣдняго отъ неожиданнаго нападенія со стороны Россіи и другихъ государствъ, расположенныхъ по берегу Чернаго моря. Пароходъ, наконецъ, остановился,—необходимо исполнить нѣкоторыя формальности. Отъ берега отчалилъ

*) Продолженіе см. № 48. „С Д. В.“

катерь съ какими-то людьми. Это, оказывается, турецкій врачъ для производства санитарнаго осмотра, сводящагося часто къ пустой формальности. Пароходъ ушелъ. Мы начинаемъ двигаться къ европейскому берегу, гдѣ послѣдній значительно поднимается, проплываемъ Мезаръ Бурну «могильный мысъ», гдѣ находится множество древнихъ могилъ. Постройки становятся все чаще и чаще. Это мы въѣзжаемъ въ дачное предмѣстье Константинополя Буюкъ-Дере, гдѣ расположены виллы наиболѣе богатыхъ Константинопольскихъ жителей, а также посольствъ, между прочимъ, русскаго, итальянскаго и др. Виллы замѣчательно красивы и онѣ расположены по самому берегу Босфора, такъ что террасы ихъ спускаются къ самой водѣ; большинство ихъ въ мавританскомъ стилѣ. Своеобразность и легкость стили вполне гармонируютъ съ окружающей обстановкой. Между виллами выдѣляются дачи русскаго посольства съ громаднымъ садомъ, покрытымъ чудною растительностью. Послѣдній поднимается по склону горы и считается мѣстными аборигенами однимъ изъ наиболѣе красивыхъ. Здѣсь дѣйствительно Босфоръ поразительно красивъ и наиболѣе широкъ, представляя какъ бы громадное озеро, благодаря сѣживающемуся проливу съ лѣвой и другой стороны. Только южное голубое небо, изобиліе свѣта и яркой зелени могли вдохновить человѣка къ созданію тѣхъ легкихъ, необыкновенно изящныхъ и красивыхъ построекъ, которыя ласкаютъ глазъ очарованнаго путешественника. Бѣлыя арки, легкія ограды точно купаются въ голубой волнѣ. Всю прелесть картины дополняетъ синевато-голубое море. Въ данный моментъ оно совершенно спокойно. Въ природѣ полнѣйшая тишина, будто все замерло и поникло головою предъ палящими лучами солнца; оно одно является теперь полноправнымъ хозяиномъ, рассылая миллионы благотворныхъ лучей свѣта въ разныя стороны; лучи рассыпаются въ водѣ, плывутъ въ ней, образуя массу серебристыхъ блестокъ, на громадномъ пространствѣ покрывающихъ воду и образующихъ какъ бы прекрасную нѣжную шаль достойную окаймлять могучую водную стихію. Трудно представить себѣ болѣе красивую картину. Берега этого озера густо заселены и застроены. Дома точно лѣпятся по склонамъ горъ; получается впечатлѣніе, будто бы они нагромождены другъ на друга; всюду здѣсь масса зелени.

Вотъ показался и все отчетливѣе выдѣляется Киреджъ Бурну (известковый мысъ) своими вѣчно-сѣрыми и бѣлыми массивами, господствующими надъ окружающею мѣстностью. Съ него путешественники въ послѣдній разъ, направляясь въ Мраморное море, къ Константинополю, могутъ еще различить воды Чернаго моря, поэтому-то онъ и названъ „ключемъ понта Эвксинскаго“. Наконецъ живописныя панорамы Буюкъ-Дере и Киреджъ-Бурну остаются за нами. Не меньшей красотой поражаютъ насъ Терапи,—тоже дачная мѣстность. Здѣсь помѣщаются посольства Франціи и Англіи. Та же воздушная изящная мавританская архитектура бѣлыхъ построекъ, точно купающихся въ яркихъ лучахъ солнца. Въ самомъ низу виллъ плещетъ въ данный моментъ синеватое море,

точно желая своими волнами слизать камни набережной, какъ бы оковывающей могучій размахъ послѣднихъ. Высокій берегъ весь покрытъ постройками, какъ бы висящими другъ надъ другомъ. Масса зелени, садовъ и цѣлыхъ рощъ. Особенно красивы здѣсь сады, въ которыхъ на открытомъ воздухѣ растутъ лавры и олеандры, въ настоящій моментъ цвѣтушіе. Здѣсь въ первый разъ пришлось видѣть бѣлыя олеандры. Отсюда величавой панорамой раскрывается золотой рогъ, одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ въ мірѣ; дѣйствительно, картина, которая открылась предъ нами, трудно поддается описанію. Всякая краска здѣсь блѣдна. Нужно самому видѣть всю картину, чтобы имѣть возможность судить о ней. Никакое описаніе не въ состояніи передать того впечатлѣнія, которое производитъ этотъ видъ. Въ этомъ мѣстѣ Босфоръ вдается въ глубь европейскаго берега, образуя заливъ, изгибающійся въ видѣ рога, а прекрасный ландшафтъ, открывающійся предъ глазами путешественника, вполне оправдываетъ названіе, данное этой мѣстности «золотой рогу». Своеобразную красоту послѣдняго оцѣнили византійскіе Императоры, перенесшіе свою резиденцію изъ дворца Константина, современнаго стараго Серая, находящагося неподалеку отъ Айя-Софіи, къ золотому рогу. Правда, отъ этихъ грандіозныхъ дворцовыхъ построекъ до настоящаго времени остались только развалины одного павильона, размѣры котораго даютъ намъ возможность судить о величинѣ бывшаго дворца. На этомъ мѣстѣ теперь складъ дровъ да маленькій стеклянный заводикъ: sic transit gloria mundi! Но переходимъ къ дальнѣйшему описанію видѣннаго нами. Предъ взорами съ одной и другой стороны открывается масса построекъ среди которыхъ высится цѣлый рядъ башенъ и минаретовъ. Нашъ жадный взоръ старается отыскать среди нихъ бывшую святыню восточнаго христіанства — храмъ св. Софіи. Наконецъ любопытство удовлетворено. Величавая громада ясно видна; еще издали она поражаетъ своею архитектурою. Только минареты, потомъ пристроенные по угламъ, не гармонируютъ съ величественнымъ зданіемъ. Наряду съ восхищеніемъ Айя-Софія возбуждаетъ и чувство горечи обиды за погибшую культуру, которая могла создать такой памятникъ искусства.

Зелень съ окаймляющихъ берегъ холмовъ постепенно исчезаетъ. Постройки становятся гуще и тѣснѣе, дома выше. Замѣтно мы приближаемся къ самому городу. Пароходы, которыхъ мы, за весь переходъ отъ Одессы до Константинополя, встрѣчали не болѣе двухъ, встрѣчаются все чаще и чаще, наконецъ издали замѣчаемъ цѣлый лѣсъ мачтъ,—мы постепенно приближаемся къ мѣсту стоянки судовъ. Море становится оживленнѣе, много мелкихъ парходиковъ и лодочекъ бороздятъ его во всѣхъ направленіяхъ. Чувствуется жизнь большаго торговаго города. Движенія парохода становятся затруднительными, наконецъ онъ совсѣмъ останавливается и бросаетъ якорь на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Насъ нѣсколько удивило слѣдующее обстоятельство. Въ то время, когда суда австрійскаго и германскаго флотовъ останавливаются у самой набережной, наши суда Р. О. П. и Т.—на рейдѣ. Оказывается,

мы здѣсь не имѣемъ своей набережной; это замѣтно отражается на количествѣ грузовъ, такъ какъ дороже на лодкахъ или баржахъ доставить послѣдній, чѣмъ сразу грузить изъ складовъ, находящихся на берегу. Когда пароходъ нашъ бросилъ якорь и остановился, картина, разстилающаяся предъ нашими глазами впереди, была поразительно хороша. Съ одной стороны Стамбуль съ его золотымъ рогомъ, съ другой Галата и Пера наконецъ, масса судовъ, лѣсъ мачтъ—все это придавало какой-то своеобразный колоритъ мѣстности и говорило о той роли, какую играетъ Константинополь въ жизни Ближняго Востока.

Едва на лѣ пароходъ успѣлъ остановиться, какъ со стороны Галаты къ нему направились масса лодокъ, старавшихся обогнать одна другую. Какъ на гребняхъ, такъ и всюду, вмѣсто привычнаго намъ европейскаго головного убора, видны фески. Лодки все болѣе и болѣе приближаются къ намъ. Слышенъ гортанный говоръ и крики,—вѣроятно перебранка перегоняющихся лодчиковъ. Трапъ съ парохода сброшенъ; многіе, карабкаясь по нему, наконецъ, достигаютъ палубы. Явились представители различныхъ гостинницъ, предлагающихъ свои услуги. Тутъ приближается къ вамъ турокъ, едва нѣсколько словъ говорящій по русски; онъ предлагаетъ открытки Константинопольскія. Наши экскурсанты, да отчасти и публика пароходная, набросились покупать послѣднія. Этотъ же услужливый турокъ предлагаетъ и марки, разумѣется за извѣстный бакшишъ. Палуба парохода обращена въ оживленный базаръ. Насъ интересуютъ турки. Изъ тѣхъ, которыхъ мы видѣли здѣсь, большинство рослы, красиво сложены, мускулатура сильно развита, лица мужественны и красивы, только сильно загорѣлыя; волосы и брови черныя, глаза глубоко сидятъ во впалинахъ. Своеобразныхъ восточныхъ костюмовъ не приходилось встрѣчать; только лодчики сохранили свой національный костюмъ, да и то цвѣтъ его трудно разобрать, такъ сильно онъ загрязненъ. Вмѣстѣ съ лодчиками на палубу поднялись и прибывшіе изъ города встрѣчать паломниковъ монахи Пантелеимоновскаго и Андреевскаго подворій. Ихъ черныя фигуры замѣтно выдѣлялись среди яркой и разнообразной толпы. Такъ какъ еще въ Одессѣ настоятель Андреевскаго подворья далъ намъ рекомендательное письмо въ Константинополь, то нашъ квартирный вопросъ самъ собою разрѣшился. Андреевскіе монахи наняли намъ лодки; мы, забравъ свои вещи, начали по трапу спускаться внизъ. Всѣ размѣстились на лодкахъ и, въ сопровожденіи монаховъ съ проводниками, медленно поплыли къ берегу. Вода Босфора совершенно спокойна. Даже въ лодкѣ не чувствуешь качки. Въ голубоватой водѣ масса гидро—медузъ; онѣ кажутся голубоватыми въ зависимости отъ окраски воды; но, вынутыя изъ воды, онѣ стеклянно-прозрачны. Пространство воды, отдѣляющее берега отъ насъ, постепенно сокращается; мы, наконецъ, пристаемъ къ таможднѣ. Каждый развѣртываетъ свои вещи и направляется въ какой-то сарай—это константинопольская таможня. Крупныя вещи и чемоданы заставляютъ раскрывать. Чиновникъ производитъ самый поверхностный осмотръ вещей; на нихъ накладываютъ таможен-

ные ярлыки и мы направляемся къ выходу. Но тутъ-то начинаются наши мытарства, говорящія много о турецкихъ порядкахъ и на непривычнаго человѣка производящія самое неблагоприятное впечатлѣніе. Съ насъ потребовали какую-то плату съ cadaго чемодана. Объясненія ни къ чему не привели. Чиновники по русски не говорятъ, а по французски очень слабо,—мы ихъ, а они насъ не понимали. Пришлось заплатить и, какъ потомъ оказалось, лишнее. Когда Директоръ сказалъ, что они берутъ «бакшишъ», такъ принято на востокѣ, то на таможднѣ обидѣлись и отвѣтили „нѣтъ бакшишъ“. Потомъ оказалось, что плата полагается, но по одному піастру, т. е. 8 к. за чемоданъ, а съ насъ взяли чуть ли не по 2 и по 3 піастра. Покончивъ съ формальностями, мы покинули тамождню и направились, отдавъ наши вещи носильщикамъ, которые здѣсь сравнительно дешевы, въ андреевское подворье; оно находится близко отъ берега. Насъ сразу окружили продавцы, предлагая свои товары, за которые запрашивали втридорога. Вообще здѣсь нужно быть очень осторожнымъ и торговаться до послѣдней возможности, а особенно съ греками, о которыхъ скажемъ послѣ. Такъ какъ у насъ русскія деньги не были размѣнены на турецкіе, то отъ покупокъ пришлось воздержаться. Въ общемъ на первыхъ же порахъ насъ поразилъ шумъ здѣшней жизни. Каждый продавецъ старается какъ можно громче выкрикивать свой товаръ. Если прибавить къ этому крики погонщиковъ ословъ, на которыхъ здѣсь перевозятъ тяжести, громкій говоръ прохожихъ, стукъ экипажей и лай собакъ, то можно получить нѣкоторое подобіе того шума и оживленія, которыя не прекращаются здѣсь до поздней ночи, хотя военное положеніе, послѣ послѣдняго переворота, еще не снято. Улицы узки, застроены высокими домами въ пять, или шесть этажей; онѣ дополняютъ картину этого полуевропейскаго, полуазіатскаго города. О чисткѣ панелей, мостовыхъ и улицъ, въ европейскомъ смыслѣ, не приходится говорить. Здѣсь полнѣйшее отсутствіе санитарнаго надзора. Всѣ отбросы и нечистоты вываливаются прямо на улицу, гдѣ издаютъ зловоніе и, если бы не единственные санитары—собаки, которыхъ здѣсь безчисленное множество, то большая часть Константинополя, при подобныхъ привычкахъ мѣстныхъ жителей, превратилась бы въ клоаку. Поэтому къ собакамъ, которыхъ въ нашихъ городахъ стараются всѣми мѣрами истреблять, здѣсь относятся замѣчательно добродушно; никто ихъ не трогаетъ, и послѣднія чувствуютъ себя полнѣйшими хозяевами положенія.

(До слѣдующаго №—ра)

IV.

Освященіе школьнаго зданія церковно-приходской школы д. Воеводчины, прихода Казанской церкви с. Маматовки Бѣлганы, Атнѣрскаго уѣзда.

17 октября текущаго года въ деревнѣ Воеводчинѣ было скромное торжество—освященіе новаго школьнаго зданія церковно-приходской школы. Школа въ деревнѣ Воеводчинѣ существуетъ съ 1900 года. Вначалѣ это была